

Гладков А. К.

**Король-пантера, Страж закона и Миротворец:
образы власти в каролинской политической мысли IX века**

На протяжении всего Средневековья европейские интеллектуалы размышляли о том, каким должен быть правитель (“rector”, “princeps”, “rex”) в духовном, этическом, политическом плане, сколькими добродетелями, талантами и достоинствами необходимо ему обладать для создания на земле «идеального государства» и руководства подданными ради «общего блага». Естественно, что жившие и творившие в эпоху «Каролингского Возрождения»¹ авторы не могли обойти вниманием столь важную для них тему. С позиции апологии христианского вероучения, воспевания высокой спасительной миссии Церкви и государя как ее неизменного «стража и заступника» (“custos et defensor”) они создавали изобилующие метафорами и аллегориями «королевские зеркала»². Целью написания подобных сочинений, имевших конкретного адресата, но вместе с тем ориентированных на будущих монархов, было не только наставить властителя в сложном и полном опасностей деле управления подданными, но и напомнить о его установленных Богом через Священное Писание и Предание обязанностях. Каролингские авторы, продолжившие линию Бл. Августина, пап Геласия I и Григория I Великого, стремились задать и с опорой на богооткровенные тексты обосновать определенную «систему координат», при которой обе власти — духовная (“auctoritas pontificum”) и светская (“regalia potestas”) — автономны и имеют разные функции, хотя первая из них — выше второй по достоинству (“dignitas”) и весу (“gravius pundus”)³.

Под пером раннесредневековых писателей (Ионы Орлеанского, Смарагда Сен-Мишельского, Хинкмара Реймского) геласианская идея стала идейным и жанровым стержнем, на который нанизывались все построения и суждения в рамках «королевских зеркал». Даже детальные описания добродетелей, коими должен обладать государь, по сути были не столько очевидным призывом к самосовершенствованию, сколько скрытым стремлением ограничить его властные амбиции. Аргумент изящен в своей простоте: лишь Христос — подлинный царь-священник (“rex-sacerdos”), тогда как земные владыки, преисполненные грехов, являются лишь Его искаженными отражениями (отсюда собирательное именование трактатов “speculum regis”), а потому не способны вместить всю власть и соответствующую ей благодать. Однако то, что уже сосредоточено в руках королей (“regalia potestas”), получено ими от Бога и освящено Его служителями по-

¹ О развитии политических представлений в указанный период см.: *Ullmann W. The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship. L., 1969.*

² *Anton H.H. Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit. Bonn, 1968.*

³ Подробнее см.: *Ziegel A.K. Pope Gelasius and His Teachings on the Relation of Church and State // Catholic Historical Review. 1941–1942. Vol. XXVII. P. 412–434.*

средством особых ритуалов (помазания и возложения короны). При этом в полной мере потенциал облеченного властью правителя может раскрыться через «служение» (“*ministerium*”) Церкви и своему народу, а также благодаря всем тем, кто составляет его ближайшее окружение. Каролингские авторы-клирики тяготели к постоянному усилению меры королевского долженствования перед Церковью, употребляя ветхозаветные образы праведных царей и тиранов как некие инструменты морального давления на правителя. Избегая очевидных аналогий, они, тем не менее, балансировали на грани, когда позволяли себе слишком откровенно воспевать достоинства монарха, или с некоторыми оговорками примечать в нем (не индивидуально, а типологически) священнические черты.

Подобная логика, в основе которой лежит синтез античных и христианских концептов, характерна, например, не только для знаменитого сочинения «О королевской власти» (“*De Institutione regia*”, 831 г.)⁴, принадлежащего перу Ионы Орлеанского (760–844), но и для малоизвестного труда «О христианских правителях» (“*De rectoribus christianis*”)⁵, созданного в конце 40-х гг. IX в. Седулием Скотом. При наличии достаточного количества «точек пересечения», в этих трактатах немало и внутренних, отражающих авторскую позицию, образованность и культурную позицию, расхождений, заслуживающих отдельного рассмотрения.

Рассуждения Седулия Скота, которые можно с высоты XXI века назвать «политическими» (в действительности, перед нами тонкое и даже замысловатое переплетение историко-философских, этико-политических и филологических нитей повествования), не привлекали должного специального внимания отечественных медиевистов⁶, да и в зарубежной науке они изучены недостаточно.

⁴ *Jonas Aurelianus. De institutione regia* / Ed. by J. Reviron // *Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle: Jonas d'Orleans et son De institutione regia*. Paris, 1930. P. 119–194.

⁵ *Sedulius Scotus. Liber de rectoribus Christianis ad Carolum Magnum vel Ludovicum Pium* // *Patrologiae cursus completus, series latina* / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1857. T. 103. Col. 291–332 (далее — PL с указанием тома и колонок); *Sedulius Scottus. Liber de rectoribus Christianis* / Ed. S. Hellmann. Munich, 1906; *Sedulius Scottus. On Christian Rulers and the Poems*. N.Y., 1983; *Sedulius Scottus. De rectoribus christianis (On Christian Rulers)* / Ed. and transl. by R.W. Dyson. Woodbridge, 2010.

⁶ Исключение составляют переводы, помещенные в первый том знаменитой антологии «Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв.», осуществленные Б.И. Ярхо и впоследствии вошедшие в его посмертно изданную книгу «Поэзия Каролингского Возрождения». См.: *Седулий Скот. Послание к епископу, достопочтенному Хартгаррию. На поражение норманнов. Словопрение Розы и Лилии. О некоем баране, истерзанном собаками. О дурных правителях* / Пер. Б.И. Ярхо // *Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв.* / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров. М., 1970. С. 348–357 (краткое предисловие М.Л. Гаспарова — С. 347–348); *Седулий Скот. Панегрик императору Лотарю I. К Берте. Словопрение Розы и Лилии. Послание к епископу, досточтимому Хартгаррию. На поражение норманнов. Послание к Хартгаррию. О некоем баране, истерзанном собаками. О королевской семье. О дурных правителя* / Пер. и коммент. Б.И. Ярхо // *Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения*. М., 2010. С. 166; 180–182; 188–190; 199–202; 230–236; 251–252; 258–259. Наиболее последовательно поэтическое творчество Седулия Скота исследует М.П. Ненарокова, посвятившая его анализу ряд ценных страниц в своей основательной монографии: *Ненарокова М.П. Каролингская эклога: теория и история жанра*. М., 2012. Ею же были подготовлены переводы фрагмента ряда

Вполне оригинальны многие идеи, касающиеся природы, назначения власти правителя или его соратников, дихотомии «король — тиран», путей утверждения благочестивого порядка в стране и т.п. Однако не менее самобытен и ярок язык Седулия — богатый, насыщенный различными образами и риторическими фигурами, отсылающими читателя как к ветхо- и новозаветным историческим темам, так и античным сюжетам. Применительно к творчеству Скота, в том числе и его трактату «О христианских правителях», уместно говорить о нескольких «смысловых уровнях», выявление которых представляется задачей не из легких. В рамках настоящей работы мы сделаем первый шаг в данном направлении и пока только в эскизном виде попытаемся исследовать «политическую теорию» одного из самобытных деятелей каролингской культуры IX в.

Собственно, во франкскую интеллектуальную элиту Седулий Скот (лат. *Sedulius Scot[t]us*, ирл. *Siadhal, Shiel*) — ирландец по происхождению, поэт и писатель, разбиравшийся в грамматике и богословии, владевший, судя по всему, еще и древнегреческим языком — вошел с очередной иноземной волной, нахлынувшей на континентальную Европу⁷.

Родившись в самом начале IX в. и получив весьма хорошее образование, он был вынужден покинуть родные края из-за нашествия датчан и пересечь Ла-Манш с «ученым посольством», направленным ко двору Карла Лысого (823–877). Главной целью миссии было заручиться поддержкой короля, прославившего покровителем образованности и принявшего у себя многих ирландских интеллектуалов, включая Иоанна Скота Эриугену, но и занять достойное место среди них. По какой-то причине замысел Седулия не осуществился, нельзя исключить, что влиятельная группа иноземных “*eruditii*”, уже состоявших на государственной службе и увидевших в «пришельце» (“*advena*”) конкурента, помешала его вхождению в ученую свиту короля.

По своим литературным талантам Седулий⁸, несомненно, составил бы конкуренцию любому местному книжнику или знатоку древностей, однако его материальное положение оставляло желать лучшего⁹. В числе других ирланде-

сочинений, включенных в расширенное и дополненное переиздание «Памятников...»: *Седулий Скот*. «Притчи греков» (фрагменты). Старец и отрок. «О христианских правителях» (фрагменты) / Пер. и прим. М.Р. Ненароковой // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., 2006. С. 371–381.

⁷ *Шайтан М.* Ирландские эмигранты в Средние века // Средневековый быт. Сборник статей, посвящаемый Ивану Михайловичу Гревсу в сорокалетие его научно-педагогической деятельности / Под. ред. О.А. Добиаш-Рождественской, А.И. Хоментовской, Г.П. Федотова. Л., 1925. С. 184.

⁸ Жизни и творчеству ирландского писателя посвящено несколько специальных работ и глав в обобщающих монографиях, главным образом, историко-филологического характера. Укажем наиболее значительные из них: *Pirenne H.* *Sedulius de Liège*. Brussels, 1882; *Hellman S.* *Sedulius Scotus*. München, 1906; *Raby F.J.E.* *A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages*. Oxford, 1934. P. 242–247; *Brunhölzl F.* *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*. München, 1975. Bd. I. S. 449–466.

⁹ Позднее в «Послании к епископу, досточтимому Хартгарии» Седулий, сравнивая, точнее противопоставляя свое и его жилища, сокрушался: «Наш же домик одет вечною ночью, Никакого внутри света не видно; Нет красы расписной тканей богатых; Нету даже

цев-эмигрантов — философов и богословов, переводчиков и грамматиков, астрономов и географов — он осел в Льеже, создав там нечто вроде небольшой общины, которой оказывал покровительство епископ Хартгарий (Hartgarius). С 848 г. этот влиятельный клирик, видимо, оценив потенциал нового гостя, взял его под свое крыло и предоставил право преподавать в одной из ранее организованных при диоцезе школ. Лишь ученые XIX — начала XX в. поспешили сразу причислить Скота к уникальному кругу «избранных» — образованных лиц, быстро завладевших умами современников-франков. Реальное положение дел несколько иное: его интеллектуальное и поэтическое влияние, вероятно, было велико, но вот условия для жизни и творчества все же весьма скромные. Отсутствие необходимых условий и материального достатка ограничивало его возможности, особенно, если сравнивать положение Седулия, например, с тем, чем обладали Иоанн Скотт Эриугена или Мартин Ирландец.

Около десяти лет Седулий подвизался в Льеже, восхваляя в своих произведениях друга и мецената, а также иных влиятельных деятелей церкви, в частности, епископов Меца, Мюнстера. Все свое литературное мастерство и красноречие Скот направляет на увековечение деяний Хартгария, благоволившего и другим ученым-ирландцам, с удивительной детализацией описывал путешествия епископа по Италии. Их деловые и человеческие отношения облекались в цепочку образов, в которой Седулию была отведена роль «Леодийского Марона», «Льежского Вергилия», а его заступнику, соответственно, — «Второго Августа». После смерти Хартгария в 855 г. новый епископ Франкон также обратил свой взор на ирландского ученого мужа, к тому времени уже успевшего освоиться и обзавестись связями. Известны его послания и панегирики, адресованные ряду знатных особ — императору Лотарю — «Второму Соломону»¹⁰, его супруге Ирмингарде и их дочери Берте — аббатисе Авенского монастыря, а также Людовику Немецкому, Карлу Лысому, маркграфу Эберхарду и др. Способность в торжественном слого увековечить политических противников (Лотаря, Людовика, Карла), одарив каждого из них высокими эпитетами и сравнив с библейскими царями Давидом и Соломоном, позволяла Седулию Скоту рассчитывать на их покровительство и поддержку.

Общение с новым льежским епископом, также нашедшее отражение в поэтическом слове Скота, длилось не долго. Всего три года — приблизительно до 858 г. — Седулий преподавал в местной школе, после этого времени сведения о нем отсутствуют. Вероятно, ранее посетив в свите Хартгария Италию, он задумался о переезде: существуют косвенные данные о том, что Скот мог отправиться в Милан и поступить на службу в курию архиепископа Тадона. Благо, исключительные таланты и глубокие знания ирландца уже успели снискать ему громкую славу. Причем славу несколько не преувеличенную. Им было написано несколько крупных сочинений, включая перевод с греческого «Псалтири» (“*De psalterio latine vertendo et emendando*”), антологию максим античных и христианских пи-

ключа, нету запоров. Не сияет у нас роскошь на сводах: Копоть на потолке слоем нависла». И далее просит: «Ныне же, отче благий, пастырь пресветлый, Это зло прекрати, цвет милосердья!» / Пер. Б.И. Ярхо // Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения. С. 188–189.

¹⁰ См.: Седулий Скот. Панегирик императору Лотарю I / Пер. и коммент. Б.И. Ярхо // Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения. С. 166.

сателей “Collectaneum”¹¹, поэтический сборник “Carmina”¹². Особое место в творческом наследии Седулия Скота занимают труды по богословию, грамматике, корпус пространных «Комментариев»¹³. Особняком в этом ряду стоит трактат «О христианских правителях»¹⁴, в развернутом виде демонстрирующий с одной стороны, мастерское умение Скота отозваться на социальный заказ (очевидно, что за появлением данного сочинения стояли его покровители — светские и духовные), а с другой, в сжатой форме, ясно и доходчиво изложить комплекс сложных политических проблем.

Все в мире приходит и уходит, и нет ничего постоянного на этом свете — таков пафос рассуждений Седулия Скота. Кому-то он может показаться излишне пессимистичным, но для автора не вызывал сомнения тот факт, что всякое царство (“regnum”), следуя естественному течению вещей, рано или поздно обратится в прах¹⁵. Строго придерживаясь августиновской доктрины о «двух градах», Седулий также разделил государства на два типа — с одной стороны, земное, временное (“regnum saeculi”) и тленное (“...quod caducum...”), а с другой, — вечное и единственно истинное (“Illud enim verum regnum est, quod in sempiternum perdurat”)¹⁶. Собственно, именно поэтому Скот провел параллель между движением колеса (“rota”) (тем самым впервые в каролингской литературе воскрешая образ изменчивой фортуны)¹⁷ и развитием государств, претерпевающим то взле-

¹¹ *Sedulius Scotus. Collectaneum miscellaneum* / Ed. by D. Simpson. Turnhout, 1988.

¹² *Sedulius Scotus. Carmina* / Ed. J. Meyers. Turnhout, 1991.

¹³ См., в частности: *Sedulius Scotus. In epistolam Eusebii Caesariensis ad Carpianum de canonibus evangeliorum* // PL. T. 29. Col. 529–531; *Collactanea in epistolam ad Romanos* // Ibid. Col. 9–127; *Collactaneum in epistolam ad Corinthios* // Ibid. Col. 128–182; *Collactaneum in epistolam ad Philippenses* // Ibid. Col. 211–217; *Collactanea in epistulas ad Thessalonicenses* // Ibid. Col. 218–223; *Collactaneum in epistolam ad Colossenses* // Ibid. Col. 224–230; *Collactanea in epistulas ad Titum* // Ibid. Col. 241–250; *Collactaneum in epistolam ad Philemonem* // Ibid. Col. 249–252; *Explanatiuncula de breviorum et capitulorum canonumque differentia* // Ibid. T. 103. Col. 271–272; *In argumentum evangelii Matthaei expositiuncula* // Ibid. Col. 273–279; *In argumentum secundum Marcum expositiuncula* // Ibid. Col. 280–285; *In argumentum secundum Lucam expositiuncula* // Ibid. Col. 286–290; *Expositio in epistolam Hieronymi ad Damasum papam* // Ibid. Col. 331–345; *Expositio argumenti Hieronymi in decem canones* // Ibid. Col. 346–348; *In prologum quatuor evangeliorum excerptio* // Ibid. Col. 348–352; *Sedulius Scotus. Commentum in Maiorem Donatum Grammaticum* / Ed. by D. Brearley. Toronto, 1975; *Grammatici Hibernici Carolini aevi III. In Donati artem maiorem* / Ed. by B. Löfstedt. Turnhout, 1977; *Grammatici Hibernici Carolini aevi III. In Donati artem minorem. In Priscianum. In Eutychem* / Ed. by B. Löfstedt. Turnhout, 1977.

¹⁴ Любопытно, что популярность к этому произведению пришла спустя столетия: сперва в XII в., а затем в XVI–XVII вв. Так, например, в Хайдельберге в 1619 г. увидел свет Седулиев трактат под названием: “De Rectoribus christianis et convenientibus regulis quibus est republica rite gubernanda”.

¹⁵ *Sedulius Scotus. Liber de rectoribus Christianis ad Carolum Magnum vel Ludovicum Pium* // PL. T. 103. Col. 297 (Далее – *Sedulius Scotus. De rectoribus Christianis*, с указанием колонки).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Теис Л. Наследие Каролингов, IX–X века / Пер. Т.А. Чесноковой. М., 1993. С. 102. Подробнее см.: Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И. Представления о фортуна в Средние века и в эпоху Возрождения // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневеко-

ты, то падения¹⁸. Бренность бытия — непреложный факт, а значит, отмечает мыслитель, нужно найти способ, как неустойчивое царство привести к некоей стабильности и гармонии. Помочь в этом может упование на милость Бога, добрая воля государя, мудрость его советников и, прежде всего, различные «искусства» (“*artes*”)¹⁹. Правитель, уподобляемый Седулием «кормчему» (“*gubernator*”)²⁰, который благодаря содержанию своей души в мире, а разума — в спокойствии способен провести «корабль» (государство) через любые испытания. Помогает ему в этом особое «искусство», которого нет труднее в делах мирских²¹, но зато оно позволяет управлять подданными с мерой и мудростью. Важно при этом, чтобы царь не забывал — полученная им во временное пользование власть есть дар Божий и может быть отнята в том случае, если он отступит от собственного служения и утвердится в нечестии²². Бог, как отмечает Седулий, всегда найдет ему замену — достойного благочестивого преемника²³. Добродетельному государю следует оберегать народ, вверенный ему свыше, от разных опасностей, как физических, так и духовных, не забывая о справедливости (“*justitia*”) и милосердии (“*misericordia*”). Идя по пути праведного служения Богу, Церкви и подданным, правитель тем самым не только сам возрастает в вере, но и укрепляет собственное царство, личным примером свидетельствуя о великой милости, оказанной ему Творцом и Его служителями. Седулий в самом начале трактата, дабы задать тон всему дальнейшему повествованию, обращает внимание на исключительную роль Церкви в обретении королем власти. Именно служители Бога обеспечивают легитимный характер “*regalia potestas*”, а значит, правитель первым же делом должен выказать им особую благодарность²⁴. Заключается она, прежде всего, в том, что государь признает старшинство Церкви и обязуется ее защищать.

«Добрый король» (“*rex bonus*”) руководит страной, опираясь на закон, церковные установления и мудрость советников, кои предостерегают его от

вой Европе / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М., 1983. С. 174–202; Уколова В.И. Тема фортуны в западноевропейской литературе Средневековья // Западно-европейская средневековая словесность / Под. ред. Л.Г. Андреева. М., 1985. С. 38–41; *Её же*. Фортуна в мире западно-го Средневековья // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2005. Т. I. С. 174–185.

¹⁸ *Sedulius Scotus*. De rectoribus Christianis. Col. 297.

¹⁹ *Ibid.* Col. 291.

²⁰ *Ibid.* Col. 307.

²¹ *Ibid.* Col. 302.

²² “Cor itaque principis, et fidelis in ministerii regimine devotio, ipsum non deserat a quo tantum beneficium et gloriosum ministerium donatum fuit; ne forte ille summus rector indignatus ab eo abstrahat beneficium quod dederat, si infidelem esse senserit quem tanquam fidelem ministrum ordinavit. Nam si rex terrenus a quolibet sibi homine infideli datam auferre valet potestatem, aliique tribuit quem fidelio rem comperit esse, quanto magis supernus universorum donator, quem nullius perfidiae nubila fallere possunt, potens est a reprobis sua abstrahere beneficia, aliisque praestare quos idoneos suae voluntatis ministros noverit esse?” // *Sedulius Scotus*. De rectoribus Christianis. Col. 297.

²³ “Unde et impius ille Saul rex Israel privatus fuit regno et vita, quoniam neque fidelis minister exstitit coram Domino. At vero David virum electum secundum cor suum Omnipotens invenit, quem ob hoc in apicem regiae potestatis sublimavit, quia illum fidelem fore ministrum elegit praesciendo” // *Ibid.* Col. 297.

²⁴ *Ibid.* Col. 293.

опасностей, поддерживают в управлении. «Разумность» (“rationalitas”), противопоставляемая Седулием «глупости» (“stultitia”) жаждущих личной славы, служит залогом процветания. Если же правитель всегда спешит единолично принять какое-то решение или внимает наставлениям дурных, то это грозит ввергнуть государство в разные бедствия²⁵. Способность услышать голос разума, не поддаваться гневу (“ira”) и последовать совету знающих людей — редкое качество, свойственное далеко не всем властителям. На протяжении всего трактата Седулий выстраивает серию оппозиций, противопоставляя Бога — дьяволу; вечное, небесное царство — временному, земному; праведного государя — тирану, а благочестивого советника — злонамеренному. Наконец, пространному, рассыпанному по тексту сочинения перечню добродетелей соответствуют их зеркальные искаженные отражения в виде пороков. Подобный прием позволяет читателю получить вполне четкое представление об онтологическом различии между добром и злом, а также причинах постепенного перерождения человека в зверя (“bestia”), а некогда законного правителя в утратившего разум и легитимность тирана. Речь идет, конечно, не о буквальной, физической, а, скорее, морально-нравственной трансформации, вызванной утратой божественного образа и оцепенением души от греха. Седулия интересуют не столько внешние факторы, сколько внутренние истоки подобного превращения. Прежде всего, Скот полагает, что государю не следует находиться в одиночестве или долгом уединении, вдали от семьи и близких²⁶ — пребывание наедине с собой далеко не всегда идет на пользу, т.к. способно вырвать человека из реальности. Либо он становится, не в буквальном, а в переносном смысле невосприимчив ко всему внешнему — советам приближенных или просьбам страждущих подданных. Либо, напротив, слишком полагается на слова, исходящие их уст его придворных, и уже не имеет своего собственного представления и понимания истины²⁷. Однако главной причиной является избыточность — свобода замещается на вседозволенность, а достаток становится постоянной целью жадного стяжания, т.е. всего того, что в итоге отвращает государя от Бога²⁸. В контексте размышлений Седулия Скота о причинах поворота правителя от добра ко злу возникает очередная оппозиция: хороший друг — дурной «друг». Многократно подчеркивая, сколь важно для короля иметь подле себя верных и честных соратников, которые были бы ему опорой в управлении и защите, а также акцентируя внимание на ценности взвешенных советов²⁹, исходящих от друзей государя, мыслитель неустанно обличает и

²⁵ “Sicut enim boni consiliarii sursum rem erigunt publicam, sic mali ruinosa calamitate praecipitant. Tales ergo repudiandi sunt consiliarii atque omnimodis detestandi; quia nunquam erga principem terrenum devoti erunt, qui Dei praecepta male vivendo contemnunt” // Ibid. Col. 302.

²⁶ Скот отмечает, что король должен уметь управлять самим собой, своей семьей и теми, кто ему особенно доверяет. Общение с близкими — женой и детьми — исключительно ценно для него, т.к. проявляя по отношению к ним любовь и заботу, он и сам становится лучше. См. *Sedulius Scotus. De rectoribus Christianis*. Col. 300.

²⁷ Ibid. Col. 304.

²⁸ “...quae causa etiam ex bonis malos principes faciat? Ad quod dicendum: Jam primum regalis licentia, deinde rerum copia, cum ipsa abundantia rerum causa malorum fiat...” // Ibid. Col. 304.

²⁹ Ibid. Col. 303.

тех, кто лишь прикидывается благим, преследуя личные корыстные цели³⁰. Седулий никогда не рассматривает правителя обособленно, отдельно от его ближайшего окружения, семьи, двора, подданных — светских или церковных, и такая позиция отражает реальное положение вещей. Государя и его народ сочетали особые узы, не только юридические, но и мистические, даровавшие их «союзу» исключительную силу³¹. Напротив, если связи ослабевали, или властитель все более вел себя как тиран, то от этого страдали абсолютно все³². «Корпоративный контекст» жизни и служения монарха являлся не формальным, а вполне действенным аргументом, свидетельствующим о том, что страна есть единый живой организм. Воспринимая себя частью целого, правитель уже не мог руководствоваться только собственными интересами или желаниями, т.к. каждое его слово или поступок отзывалось на подданных. Поэтому Седулий в очередной раз призывал наделенного высшей властью государя проявлять милосердие, терпение, кротость, снисходительность, своими благими деяниями исцеляя общество от болезней греха. В союзе с Церковью он стоял на страже закона — божественного и человеческого, тем самым сохраняя мир и процветание. Идеальный король, в представлении Седулия Скота, как полная противоположность тирана, является одновременно и праведным судьей (“*judex*”), и миротворцем (“*rex pacificus*”)³³, и кормчим (“*gubernator*”), и лекарем (“*medicus*”).

В одном поэтическом фрагменте, помещенном в текст трактата “*De rectoribus christianis*” и повествующем об изувеченных злыми деяниями земных королях (“*reges terrae quos male gesta dedecorant...*”)³⁴, представлена галерея звериных образов, призванных наиболее наглядно и объемно передать весь спектр отрицательных черт тиранов. Нечестивый правитель, утративший разум и все менее напоминающий Седулию человека, «перерождается» в «вепря» (“*aper*”), «тигра» (“*tigris*”), «медведя» (“*ursus*”), «льва» (“*leo*”) и «ястреба» (“*accipiter*”).³⁵ В другом месте Скот, вновь возвращаясь к теме греховной сущности злонамеренного правителя, именуемого «драконом» (“*draco*”), сравнивает его антипода с «пантерой» (“*panthera*”).³⁶

Контрастное описание властителей двух полюсов — доброго (“*bonus*”), благочестивого государя (“*rex justus*”) и тирана (“*tyrannus*”) — облачается в зооморфные образы, отсылающие к средневековым бестиариям³⁷, в которых с

³⁰ “*Amici praeterea improbi, satellites detestandi, eunuchi avarissimi, aulici vel stulti vel detestabiles, per quos omnes etiam in illo dominatore qui videbatur bonus esse nascitur oblivio mandatorum Dei*” // *Ibid.* Col. 304.

³¹ Подробнее см.: *Ле Жан Р.* Каролингские элиты и король в середине IX века: статус и верность / Пер. с фр. А.И. Сидорова // Французский ежегодник’ 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 27–42.

³² *Sedulius Scotus. De rectoribus Christianis.* Col. 305.

³³ *Ibid.* Col. 307.

³⁴ *Ibid.* Col. 306.

³⁵ *Ibid.* Col. 306.

³⁶ *Ibid.* Col. 303.

³⁷ Речь идет о жанре средневековой литературы, для которого характерно описание реальных и мифологических зверей (дракон, единорог, мантикора), содержащее не только буквальное, но и символическое толкование их происхождения, особенностей поведе-

«пантерой» ассоциировался Христос, тогда как с «драконом» — дьявол. Включение подобного «культурного кода» в Седулиево повествование понятно: оно должно было из средства авторской экспрессии стать некоей образной кульминацией, соединяющей в себе все теоретические построения. Соединение физической мощи, благородства, ума и многих других уникальных качеств в одном существе — «пантере» — приобрело статус символической декларации. В такой бестиарной форме выразился не только традиционный для раннесредневековых «королевских зеркал» христоцентризм, но и проведена важная мысль о “convenientia” (но выраженная в несколько ином термине — «дружба» (“amicitia”)) — освященной божественной благодатью сплоченности всех членов общества во главе с единым политическим лидером.

Источники и литература:

1. Anton H.H. Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit. Bonn, 1968.
2. Barber R. Bestiary: Being an English Version of the Bodleian Library, Oxford, MS Bodley 764. Boydell Press, 2013.

ния, места в иерархии живых существ. Основным источником Б. является «Физиолог» — пространное (49 глав) компилятивное произведение II–III в., происходящее из Александрии, написанное по-гречески и посвященное изложению организации окружающей природы в свете христианского вероучения. Детальная классификация видов животных, растений и минералов, сочетающаяся в себе наряду с легендарными сюжетами фольклора естественнонаучные наблюдения древних авторов, имела дидактическое назначение. «Физиолог», как своеобразная энциклопедия средневекового знания о природе и одновременно нравоучительный трактат, раскрывающий сокровенный смысл божественного творения, пользовался большой популярностью. В IV в. он был переведен на латынь, к XII–XIII вв. став в Западной Европе одним из самых читаемых сочинений. В эпоху Средневековья первоначальная структура и содержание «Физиолога» изменились за счет исключения части разделов, посвященных классификации минералов и горных пород, и привлечения обширных данных из античной (Плиний, Солин) и патристической литературы (Василий Великий и др.). Особое значение для оформления жанра Б. имели «Этимологии» Исидора Севильского, заложившие новую типологию и смысловое наполнение «Физиолога». Первостепенная задача состояла в изложении сведений о различных видах живых существ, от диких зверей (“bestiae”) до домашнего скота (“pecus”), основанном на этимологической интерпретации их названий и иносказательном (морально-нравственном) объяснении функций. В переработанном и расширенном виде «Физиолог» явился пространным компилятивным сводом естественнонаучного знания, олицетворяющим средневековый жанр Б. и призванным свидетельствовать о торжестве божественной мудрости и гармоничности вселенной. К данным Б. нередко обращались при подготовке не только философских и богословских сочинений (отсюда, например, многочисленные заимствования символических толкований образов животных в схоластике XII–XIV вв.), но также политико-правовых и дидактических трудов (в том числе, наставлений и проповедей). Подробнее см.: Beasts and Birds of the Middle Ages: The Bestiary and Its Legacy / Ed. by W.B. Clark, M.T. McMunn. Philadelphia, 1989; George W., Yapp B. The Naming of the Beasts: Natural History in the Medieval Bestiary. L., 1991; Hassig D. Medieval Bestiaries: Text, Image, Ideology. Cambridge, 1995; Heck Ch., Cordonnier R. The Grand Medieval Bestiary: Animals in Illuminated Manuscripts. Abbeville Press, 2012; Barber R. Bestiary: Being an English Version of the Bodleian Library, Oxford, MS Bodley 764. Boydell Press, 2013; Hassig D. The Mark of the Beast: The Medieval Bestiary in Art, Life, and Literature. Routledge, 2013.

3. Beasts and Birds of the Middle Ages: The Bestiary and Its Legacy / Ed. by W.B. Clark, M.T. McMunn. Philadelphia, 1989.
4. Brunhölzl F. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1975. Bd. I.
5. George W., Yapp B. The Naming of the Beasts: Natural History in the Medieval Bestiary. L., 1991.
6. Grammatici Hibernici Carolini aevi III. In Donati artem maiorem / Ed. by B. Löfstedt. Turnhout, 1977.
7. Grammatici Hibernici Carolini aevi III. In Donati artem minorem. In Priscianum. In Eutychem / Ed. by B. Löfstedt. Turnhout, 1977.
8. Hassig D. Medieval Bestiaries: Text, Image, Ideology. Cambridge, 1995.
9. Hassig D. The Mark of the Beast: The Medieval Bestiary in Art, Life, and Literature. Routledge, 2013.
10. Heck Ch., Cordonnier R. The Grand Medieval Bestiary: Animals in Illuminated Manuscripts. Abbeville Press, 2012.
11. Jonas Aurelianus. De institutione regia / Ed. by J. Reviron // Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle: Jonas d'Orleans et son De institutione regia. Paris, 1930. P. 119–194.
12. Pirenne H. Sedulius de Liège. Brussels, 1882; Hellman S. Sedulius Scotus. München, 1906.
13. Raby F.J.E. A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Oxford, 1934.
14. Sedulius Scottus. De rectoribus christianis (On Christian Rulers) / Ed. and transl. by R.W. Dyson. Woodbridge, 2010.
15. Sedulius Scottus. Liber de rectoribus Christianis / Ed. S. Hellmann. Munich, 1906.
16. Sedulius Scottus. On Christian Rulers and the Poems. N.Y., 1983.
17. Sedulius Scotus. Carmina / Ed. J. Meyers. Turnhout, 1991.
18. Sedulius Scotus. Collactanea in epistulam ad Romanos // PL. T. 29. Col. 9–127.
19. Sedulius Scotus. Collactanea in epistulas ad Thessalonicenses // PL. T. 29. Col. 218–223.
20. Sedulius Scotus. Collactanea in epistulas ad Titum // PL. T. 29. Col. 241–250.
21. Sedulius Scotus. Collactaneum in epistulam ad Colossenses // PL. T. 29. Col. 224–230.
22. Sedulius Scotus. Collactaneum in epistulam ad Corinthios // PL. T. 29. Col. 128–182.
23. Sedulius Scotus. Collactaneum in epistulam ad Philemonem // PL. T. 29. Col. 249–252.
24. Sedulius Scotus. Collactaneum in epistulam ad Philippenses // PL. T. 29. Col. 211–217.
25. Sedulius Scotus. Collectaneum miscellaneum / Ed. by D. Simpson. Turnhout, 1988.
26. Sedulius Scotus. Commentum in Maiorem Donatum Grammaticum / Ed. by D. Brearley. Toronto, 1975.
27. Sedulius Scotus. Explanatiuncula de breviariorum et capitulorum canonumque differentia // PL. T. 103. Col. 271–272
28. Sedulius Scotus. Expositio argumenti Hieronymi in decem canones // PL. T. 103. Col. 346–348.
29. Sedulius Scotus. Expositio in epistolam Hieronymi ad Damasum papam // PL. T. 103. Col. 331–345.
30. Sedulius Scotus. In argumentum evangelii Matthaei expositiuncula // PL. T. 103. Col. 273–279.
31. Sedulius Scotus. In argumentum secundum Lucam expositiuncula // PL. T. 103. Col. 286–290.
32. Sedulius Scotus. In argumentum secundum Marcum expositiuncula // PL. T. 103. Col. 280–285.
33. Sedulius Scotus. In epistolam Eusebii Caesariensis ad Carpianum de canonibus evangeliorum // PL. T. 29. Col. 529–531.
34. Sedulius Scotus. In prologum quatuor evangeliorum excerptio // PL. T. 103. Col. 348–352.
35. Sedulius Scotus. Liber de rectoribus Christianis ad Carolum Magnum vel Ludovicum Pium // Patrologiae cursus completes, series latina / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1857. T. 103. Col. 291–332.

36. *Sedulius Scotus. Liber de rectoribus Christianis ad Carolum Magnum vel Ludovicum Pium* // PL. T. 103. Col. 297.
37. *Ullmann W. The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship*. L., 1969.
38. *Ziegel A.K. Pope Gelasius and His Teachings on the Relation of Church and State* // *Catholic Historical Review*. 1941–1942. Vol. XXVII. P. 412–434.
39. *Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И.* Представления о фортуне в Средние века и в эпоху Возрождения // *Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе* / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М., 1983. С. 174–202.
40. *Ле Жан Р.* Каролингские элиты и король в середине IX века: статус и верность / Пер. с фр. А.И. Сидорова // *Французский ежегодник* 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 27–42.
41. *Ненарокова М.Р.* Каролингская эклога: теория и история жанра. М., 2012.
42. *Седулий Скот.* «Притчи греков» (фрагменты). Старец и отрок. «О христианских правителях» (фрагменты) / Пер. и прим. М.Р. Ненароковой // *Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв.* / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., 2006. С. 371–381.
43. *Седулий Скот.* Панегирик императору Лотарю I / Пер. и коммент. Б.И. Ярхо // *Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения*. М., 2010. С. 166.
44. *Седулий Скот.* Панегирик императору Лотарю I. К Берте. Словопрение Розы и Лилии. Послание к епископу, досточтимому Хартгарию. На поражение норманнов. Послание к Хартгарию. О некоем баране, истерзанном собаками. О королевской семье. О дурных правителя / Пер. и коммент. Б.И. Ярхо // *Ярхо Б.И. Поэзия Каролингского Возрождения*. М., 2010.
45. *Седулий Скот.* Послание к епископу, достопочтенному Хартгарию. На поражение норманнов. Словопрение Розы и Лилии. О некоем баране, истерзанном собаками. О дурных правителях / Пер. Б.И. Ярхо // *Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв.* / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров. М., 1970. С. 348–357.
46. *Тейс Л.* Наследие Каролингов, IX–X века / Пер. Т.А. Чесноковой. М., 1993.
47. *Уколова В.И.* Тема фортуны в западноевропейской литературе Средневековья // *Западноевропейская средневековая словесность* / Под. ред. Л.Г. Андреева. М., 1985. С. 38–41.
48. *Уколова В.И.* Фортуна в мире западного Средневековья // *Вестник истории, литературы, искусства*. М., 2005. Т. I. С. 174–185.
49. *Шайтан М.* Ирландские эмигранты в Средние века // *Средневековый быт. Сборник статей, посвящаемый Ивану Михайловичу Гревсу в сорокалетие его научно-педагогической деятельности* / Под. ред. О.А. Добиаш-Рожественской, А.И. Хоментовской, Г.П. Федотова. Л., 1925. С. 179–205.